

УДК: 821.512.31

doi: 10.18101/978-5-9793-0814-2-75-77

**О диалоге культур Востока и Запада в творчестве
русскоязычных национальных писателей**

© **Имхелова Светлана Степановна**

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета

E-mail: 223015@mail.ru

Рассматривается творчество национальных российских писателей, пишущих на русском языке, где обнаруживается тесное взаимодействие «своего» и «чужого», национальной истории и фольклора, и традиций русской культуры и культуры Запада. В прозе корейца А. Кима и бурята Г. Башкуева это взаимодействие выявляется на уровне сюжетно-композиционной структуры, организации художественного пространства произведения, когда соединение восточной «обрамленной» повести и русского реалистического рассказа ведет к диалогу национальных и универсальных культурных кодов. В поэзии Б. Дугарова поэтический диалог Востока и Запада осуществляется в стремлении передать полифонию евразийского пространства. Поэту удается соединить особенности бурятского стихосложения и европейского стиха, и тем самым присоединиться к мощному движению русской поэзии к синтезу культур Запада и Востока. В статье делается вывод о глубоко самобытном и талантливом понимании этого синтеза национальными русскоязычными писателями.

Ключевые слова: диалог русской и восточной культур, восточная «обрамленная» повесть, синтез культурных кодов, «своего» и «чужого», национального и всеобщего, полифония пространства, анафорический бурятский стих, традиционная европейская рифма.

**To the dialogue of Eastern and Western cultures
in the work of Russian-speaking national writers**

Svetlana S. Imikhelova

DSc in Philology, Professor, Ulan-Ude, Buryat State University, Department of Russian and Foreign Literature

The article reviews works by Russian national authors who write in Russian, where close interaction between "our" and "foreign", between national history, folklore and traditions of Russian and Western culture can be found. This interaction is detected in the prose by Korean writer A. Kim and Buryat writer G. Bashkuev at the level of plot, compositional and artistic space structure, when the compound of Eastern "framed" story and Russian realistic story leads to a dialogue between national and universal cultural codes. In the poetry by B. Dugarov poetic dialogue between East and West is carried out in an effort to convey polyphony of Eurasian territory. The poet manages to combine features of the Buryat and European poetry, and thus to join the powerful movement of Russian poetry to the synthesis of Western and Eastern cultures. The article concludes talented and distinctive understanding of this synthesis by the national Russian-speaking writers.

Keywords: dialogue between Russian and Eastern cultures, Eastern "framed" the story, the synthesis of cultural codes, of "our" and "foreign", national and universal, polyphonic space, anaphoric Buryat verse, traditional European rhyme.

Творчество русскоязычных писателей в национальных литературах России вполне закономерно относится исследователями к явлению русской литературы. Так, А. Бочаров писал о том, в нем ярко выразилось слияние разных культурных традиций, прежде всего «слияние восточного образа мышления и русской реалистической прозы» [1, с. 170]. Уже сложилось мнение, что рассматривать, например, произведения корейца А. Кима или бурятских писателей Б. Дугарова и Г. Башкуева, необходимо по ведомству русской литературы и в то же время встраивать их прежде всего в национальный культурный контекст.

На наш взгляд, в творчестве писателей, пишущих не на родном, а на русском языке, читатель сталкивается с культурным диалогом Востока и Запада, который во многом связан как с интересом к истории и мифологии своего народа, так и с приверженностью к другой, прежде всего русской, культуре, что и позволило писателям наиболее полно выразить свое творческое «я». Метафорой многослойности и полифоничности культурных кодов в прозе русскоязычного писателя может прочитываться образ автора, заявленный в философско-мистическом романе А. Кима «Остров Ионы» (2001), заканчивающемся таким признанием: «...я уже прожил сотни жизней, коротких и длинных, славных и ничтожных, богатых и нищих, городских и сельских, американских, российских, прусских, марокканских, бушменских, корейских, румынских, лапландских, а также бродяжьих, королевских, австралийских аборигенских, мещанских, цыганских, преступных, гаремных, мужских и женских, индей-

ских в пампасах Южной Африки и так далее...» [2, с. 313].

Уже в прозе 1960-х гг. писатель столкнул разные культурные традиции в сюжетно-композиционной структуре произведений. В раннем рассказе «Мечь» А. Ким обращается к миру народной легенды с характерными мотивами и поворотами (кровная мечь, неожиданное возвращение, удивительный ребенок, встреча с духом умершего отца, чудесное исцеление, предсказанная смерть), которая переплетается с традиционным для русского рассказа тяготением к объективному воспроизведению жизни и быта людей, к тому, как их представления подвергаются испытанию жизнью. Такое изображение событий, происходящих в корейском поселке, разрушает сюжетную логику народной легенды: рожденный для кровной мести сын целиком погружен в заботы о мирной жизни, неотомщенный детоубийца умирает легкой смертью, а призванный быть поэтом становится обыкновенным крестьянином. Эта двойственность, заложенная в сюжете, обеспечена мироощущением писателя, подчеркивающего не просто диалог культур, а сложность, многозначность самой жизни. Затем в 1970-е гг. писатель опробует композицию восточной «обрамленной» повести, где следует особо выделить рассказ «Бродяги Сахалина».

Дело в том, что в этом рассказе можно увидеть четыре версии произошедшей истории с обнаруженными останками (черепом) на перевале, но автором заложены еще и два других аллюзивных «текста», ассоциативно, интертекстуально приходящих читателю на ум: это фраза «Бедный Йорик!» из шекспировского «Гамлета» и рассказ «В чаще» Акутагавы Рюноскэ, в котором имеются также четыре разные версии ответа на вопрос, кто является убийцей самурая. Автору неважно дать однозначный ответ на вопрос, о чьем черепе поведали разные рассказчики, для него главное, чтобы в финале читатель почувствовал неосознанную человеческую жалость к обладателю черепа с отверстием во лбу, кем бы он ни был. Этот смысл рассказа возникает из диалога различных культурных кодов и на его основе.

Полифоническую композицию восточной «обрамленной» повести можно обнаружить и в повести «Пропавший» (1999) бурятского прозаика и драматурга, народного писателя Бурятии Г. Башкуева, создающего свои произведения на русском языке. Повесть отличается такой же, как у А. Кима, многослойной организацией пространства, которая ведет к диалогу универсальных и национальных культурных кодов. Многоплановость повести придают вставные рассказы, передающие сны и видения героя Жаргала Нурува, который ведет бездомный образ жизни, потерял себя и собственное имя – он теперь Жорик, а также повествующие о судьбе двух матерей – бурятки Долгор и русской крестьянки Ульяны, потерявших на войне своих сыновей. Такое сюжетное удвоение, присущее структуре восточной «обрамленной» повести, соединяется с лирическим авторским голосом, так свойственным русскому рассказу.

Дело в том, что в истории главного героя особую роль играют драматические эпизоды, где работает иной код – движение памяти, движение через беспомыслие к истине. И эта духовная работа становится единым стержнем, стягивающим к финалу все сюжетно-фабульные и пространственно-временные узлы повести. Эпизоды-кадры в повести Башкуева не просто присоединяются друг к другу авторским повествованием. Их сцепление фактически совмещают «тексты» с разным семантическим и языковым кодом – восточным и западным. Монтаж видений, потока сознания и памяти героя, его реакции на другие события потому и становится ключевым в повести, что автором сталкиваются историческое время и время субъективного, ментального переживания, чтобы органично ввести в иное – метафизическое пространство.

О культурном диалоге в творчестве русскоязычных бурятских писателей свидетельствует и творчество народного поэта Бурятии Б. Дугарова, особенно поэтический замысел его новой книги «Азийский аллюр». Удостоенная в 2014 г. Государственной премии РБ, она состоит из циклов стихотворений, полностью построенных на анафоре. И хотя к анафоре – рифме в начале строки Б. Дугаров обращался уже в ранних книгах, именно в «Азийском аллюре» ее использование отвечало сокровенному замыслу – осуществить поэтический диалог Востока и Запада, запечатлеть полифонию евразийского пространства. В другой книге, вышедшей несколькими годами ранее, – «Сутра мгновений», эта полифоническая струя так же рвется наружу. В стихотворении «Знак полнолуния» (дневниковая запись от 30 июня 1982 г.) звучит мысль о вкладе Великой степи в этот диалог, который живет пока в мечте гуннского шаньюя и сбудется в могучем громе чингисовой конницы: *«Все это будет, яростно случится. / Однажды встанет на дыбы степной простор. / И первая Евразия родится, / связуя стремнами Запад и Восток...»* [3, с. 183].

Этой сверхзадаче отвечает одно из лучших качеств поэзии Дугарова – необычайное единство сиюминутности, истории и вечности, которое подчеркнуто музыкальностью стиха, соединяющего звук «струны волосной» и звучание европейской скрипки. Как очень точно и афористично сформу-

лировал автор: *«Аполонова лира звучит морин-хура струною»* [4, с. 33].

Первенство и приоритет автора «Азийского аллюра» в создании анафорического письма подтвержден многозначностью образов и полифоническим подтекстом стихотворений. Так, образ восточного коня-иноходца у Дугарова – это еще и дань образу поэтического Пегаса, который не раз появляется в его книгах. Например, в прозаическом тексте «Сутры мгновений» он тоже используется вполне поэтически: автор, говоря о сборнике своего товарища по литературному цеху, замечает: «Пегас у А. Т. еще далеко от стойла не ускакал, все еще сбивается на шоссе, укатанную дорогу, хотя временами скачет хорошим галопом» [4, с. 255].

Мысль о притяжении звуков, музыки родной степи и европейской лиры не раз выражена в строках из «Азийского аллюра». Так, в стихотворении «На исходе тысячелетья», это сделано с помощью рифмы как традиционной, конечной (европейской), так и внутренней, анафорической (бурятской): *«Крутые волны бытия / Смели с планеты след монгольского коня. / Но предков дух возвысит до вселенной / Сумела Степь в свой звездный час. / И песнь ее сказаньем сокровенным / Сквозь времена во мне отозвалась»* [4, с. 97]. Все рифмы связывают здесь слова с одним и тем же общим значением: *песня* (музыка) доносит (через древние монгольские сказания) дух *степи*, неотрывный от *конской* скачки. Повтор звука *с* не просто подчеркивает связь ключевых для поэта слов – в них заявлены ценности его поэтического мира. И в этом ряду ценностей (песня, степь, конь) главенствует музыка степи и лошадиного бега. *«Протяжных долгих песен льются переливы. / Ликует степь, вся в полумесяцах подков»; «Эра могучих сказаний зачем мою песню тревожит? / Эхо анафор степных ощущаю дыханьем своим»* [4, с. 131, 7].

Национальное начало, не отделенное от синтеза культур Востока и Запада и доносимое музыкальным звучанием образов, символикой музыкальных инструментов, особенно ярко представлено в циклах «Мелодии времен года», «Восточный календарь» (стихотворения «Корова», «Конь»), «Вертикальные стихи» («Мелодия», «Око»), «Инь иноходца» («Жаворонок»), «Сонеты» («Вдогон векам былым летят мгновенья, тая...»). Да и начальное стихотворение, своего рода пролог к «Азийскому аллюру» под названием «Песнь поднебесья», задает тон всему музыкальному настрою сборника.

Явление анафоры в книге Б. Дугарова видится прежде всего, как восточный, точнее, тюрко-монгольский стиховой феномен. Тем не менее художественная концепция, предложенная ее автором, отвечает мощному движению русской поэзии к синтезу культур Запада и Востока. В этом смысле книга бурятского поэта – удачнейшая для современной поэзии попытка глубоко самобытного и талантливое понимания этого синтеза – как диалога, как взаимодействия и взаимопроникновения разных культур и цивилизаций.

Таким образом, русскоязычное творчество национальных писателей представляет собой культурный диалог с различными традициями, с использованием разных культурных кодов. Синтез «своего» и «чужого» в созданных русскоязычными писателями художественных текстах ярко проявляется в особом художественном пространстве, соединяющем понимание ценностей и Востока, и Запада, осуществляющем диалог национального и всеобщего.

Литература

1. Бочаров А. Г. Литература и время: Из творческого опыта прозы 60-80-х годов. – М.: Художественная литература, 1988. – 383 с.
2. Ким А. А. Остров Ионы: метароман, повесть. – М.: Центрполиграф, 2002. – 557 с.
3. Дугаров Б. С. Сутра мгновений. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2011. – 440 с.
4. Дугаров Б. С. Азийский аллюр. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2013. – 208 с.

References

1. Bocharov A. G. *Literatura i vremya: Iz tvorcheskogo opyta prozy 60-80-kh godov* [Literature and time: From the creative experience of prose of the 1960-80s]. – Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1998. 383 p.
2. Kim A. A. *Ostrov Iony: metaroman, povest'* [Isle of Iona: meta-novel, story]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2002. 557 p.
3. Dugarov B. S. *Azijskij allyur* [Asian pace]. Ulan-Ude: The Republican printing house publ., 2013. 208 p.
4. Dugarov B. S. *Sutra mgnovenij* [The Sutra of moments]. Ulan-Ude: The Republican printing house publ., 2011. 440 p.